

Научно-публицистическая статья
УДК 1(165)
DOI: 10.24412/2078-9238-2025-456-32-43

ЧИСТЫЙ РАЗУМ В ПЛЕНУ ГЕТЕРОНОМИИ

Александр Владимирович Кучеренко

Курская академия государственной и муниципальной службы,
Курск, Россия,
kucherenkoav@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения разума и эмоциональной сферы, внутри которой приходится действовать разуму, имеющему неизменную природу в своей чистой, т. е. априорной, форме. Сама проблема была обозначена еще в глубокой древности, прошла сквозь века, затрагивает нашу повседневную жизнь, активно включается в тематику современных философских размышлений и междисциплинарного дискурса. Расширенное понимание Б. Спинозой всей эмоциональной сферы как аффектов, отличающееся от современной трактовки аффектов в психологии и юриспруденции, более всего подходит для рассмотрения диалектики взаимоотношения чувства и разума, в которых разум способен проявлять как свою силу, так и свое бессилие. Метафизический подход, рассматривающий данные значения в качестве замкнутых в себе областей, имеющих свои качественные отличия от всех остальных значений, дополняется диалектическим, рассматривающим не только их связи между собой, но и противоречивое единство внутри самих этих качественно отличных друг от друга областей. Концептуальные разногласия в области решения этических вопросов также входят составной частью в эту проблематику.

Использованный в статье индуктивный метод дает возможность перейти от учета личного опыта эмоциональных переживаний к указанию на отдельные характеристики чистого разума, подвергающегося воздействию эмоций. При решении задачи проявления деятельности разума под давлением эмоций невозможно обойтись без использования дескриптивных методов, подталкивающих разум к совершению заведомо предопределенных действий и принятию им окончательных решений. По сути, тема

соотношения чувства и разума затрагивает тем или иным образом все направления философской мысли без какого-либо исключения. В статье в качестве примера существования обозначенной проблемы выбрана деятельность телефонных мошенников, манипулирующих эмоциями жертвы при воздействии на ее разум, что в итоге наносит нашей стране колossalный экономический ущерб.

Междисциплинарный подход к рассмотрению затронутой проблемы представлен размышлениями различных современных авторов, занимающихся философией, социологией и психологией.

Ключевые слова: разум, аффект, гетерономия, этика, междисциплинарный подход

Для цитирования: Кучеренко А. В. Чистый разум в плену гетерономии // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 4 (56). С. 32–43. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-456-32-43>

Popular science article

UDC 1(165)

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-456-32-43

PURE REASON IN THE CAPTIVITY OF HETERONOMY

Alexander V. Kucherenko

Kursk Academy of State and Municipal Service,
Kursk, Russia,
kucherenkoav@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of the relationship between reason and the emotional sphere, within which reason must operate, having its own immutable nature in its pure, i.e., a priori form. The problem itself was identified in ancient times, has passed through the ages, and affects our daily lives, actively contributing to contemporary philosophical reflections and interdisciplinary discourse. Spinoza's expanded understanding of the entire emotional sphere as affects, which differs from the modern interpretation of affects in psychology and jurisprudence, is most suitable for examining the dialectical relationship between feeling and reason, in which reason can manifest both its strength and its weakness. The metaphysical approach, which views these values as self-contained domains with their own qualitative differences from all other values, is complemented by the dialectical approach, which considers not only their connections but also the contradictory unity within these qualitatively distinct domains.

The inductive method used in the article makes it possible to move from taking into account personal experience of emotional experiences to pointing out certain characteristics of a pure mind that is affected by emotions. When solving the problem of the manifestation of the mind's activity under the influence of emotions, it is impossible to do without using descriptive methods that push the mind to perform predetermined actions and make final decisions. In fact, the topic of the relationship between feelings and reason touches on all areas of philosophical thought in one way or another. The article uses the activities of telephone scammers who manipulate their victims' emotions and influence their minds as an example of this problem, which ultimately causes enormous economic damage to our country.

An interdisciplinary approach to addressing this issue is presented through the reflections of various contemporary authors in the fields of philosophy, sociology and psychology.

Keywords: mind, affect, heteronomy, ethics, interdisciplinary approach

For citation: Kucherenko A. V. (2025). Pure reason in the captivity of heteronomy. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (4 (56)), 32–43. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-456-32-43>

Введение

«...Что же именно предписывает нам разум, какие аффекты согласуются с правилами человеческого разума и какие, наоборот, противны им»

[Спиноза, 2001, с. 229]

Есть одно глубокомысленное наблюдение Б. Спинозы, обращающее на себя внимание: «...необходимо знать как силу, так и бессилие нашей природы, чтобы мы могли определить, что разум может сделать и чего не может при умерении аффектов» [Спиноза, 2001, с. 229]. Не углубляясь в развернутую трактовку того, как именно Б. Спиноза раскрывает содержание аффектов, отметим лишь его широкое смысловое толкование, охватывающее весь спектр человеческих переживаний и влечений, а также действий, ими продиктованных, что отличает это представление от строго принятого в настоящее время их понимания в психологии как исключительно интенсивного переживания — взрывной эмоциональной реакции, учитываемой при вынесении приговора в юриспруденции.

В данном случае Б. Спинозой достаточно четко обозначена проблема о соотношении нашей природы, наполненной мимолетными желаниями, далеко идущими интересами, устойчивыми или изменчивыми переживаниями, надеждами, самонадеянностью или самоуничижением, игрой воображения, верой (во всех разновидностях проявления ее ипостаси) и «истинным разумом» [Спиноза, 2001, с. 228]. Значит, по мнению Б. Спинозы, есть разум еще и «неистинный», ведомый нашими аффектами, влечениями и страстями, где в поиске истины разум находится в постоянной борьбе с ними, итоговый результат которой далеко не очевиден.

Содержание рассуждений Б. Спинозы принципиально отличается от аллегорического образа души в сократическом диалоге «Федр», пересказанном Платоном, где (в вольном пересказе автора) говорится о том, что человеком руководят низменные и благородные страсти, а разум в роли «возничего» призван ими управлять [Платон, 2007, с. 186]. В данном случае это представление может указывать в том числе и на главенствующую роль разума в этике. Наиболее яркий контраст мы наблюдаем здесь в идейном споре между софистами, практикующими сознательное введение в заблуждение и исповедующими релятивизм — размытые границы между добром и злом, и Сократом с его этическим рационализмом. В период переживаемой нами информационной

войны, связанной с сознательным искажением правды об исторических событиях, разрушением системы основных общечеловеческих ценностей, а с другой стороны, отчаянной борьбой со всем этим злом, столь давний спор, перенесенный на современную почву, выглядит особенно актуально.

При соотношении разума и чувственных влечений возникает, как бы это сказать, довольно забавная и запутанная ситуация.

Весь спектр разнообразных заблуждений в ходе общечеловеческой истории создан с помощью разума. Все достижения человечества, которыми по праву можно гордиться, созданы с помощью все того же неизменного в совокупности своих свойств разума.

Чтобы убедиться в негативной роли разума, достаточно указать на создание цепких тысячелетних иллюзий, вспомнив идеи алхимиков и то, что Земля — это центр мироздания, а всем в этом мире управляют многочисленные боги, подобные людям с их пороками и достоинствами; вслед за этим все тот же разум, повинуясь своим собственным заблуждениям, создает их зримое воплощение в великолепных произведениях искусства — храмах и изваяниях (например, в Древней Греции), поражающих своим гармоничным изяществом и мастерством их создателей. Одновременно эти храмы и изваяния можно было бы считать и своеобразными памятниками, созданными в честь иллюзий разума в назидание потомкам относительно того, к каким последствиям может привести управление разумом аффектами. С другой стороны, все тот же разум работает во взглядах Н. Коперника о строении Солнечной системы и в таблице химических элементов Д. И. Менделеева. Во всех этих полярных случаях формирования заблуждений и постижений истины присутствует один и тот же разум со своей неизменной структурой и функциональностью, выполняя действия противоположной направленности, демонстрируя собственную антиномичность, одновременно затуманивая и просвещая сознание, объединяя людей в общем мнении и одновременно сея между ними неугасающую враждебность.

Неважно, где это происходит — в естествознании, гуманитарной или общественной мысли, в искусстве ли, — повсюду разум оставляет свои неоднозначные и противоречивые следы.

Методы и методология

Для того чтобы попытаться понять специфику деятельности разума, можно было бы остановиться на любом завершенном (с точки зрения субъекта, его создавшего) представлении, освободив его от всего сопутствующего конкретного содержания, выделив тем самым чистый разум со всей совокупностью его основных характеристик, лишив той внешней оболочки, в которой он присутствует.

Решение этой задачи невероятной сложности (о соотношении разума и чувственной сферы) составило рубеж в развитии не только философской, но и общечеловеческой мысли. К ней подходили с освещением отдельных сторон

рациональности мыслители различных эпох, оглядываясь на то, как протекает процесс познания в его формально-отвлеченном виде. Все проницательные умы, увлеченные данной темой, так или иначе внесли свою лепту в решение проблемы определения совокупности и взаимосвязи свойств чистого разума, но кульминационно точно обозначенной и в принципиальном плане решенной лишь И. Кантом в его работе «Критика чистого разума».

Результаты

В движениях человеческой духовности мы наблюдаем сплав рационального и иррационального, где обе ее стороны оказывают взаимное влияние друг на друга.

Что такое «чистый разум»? При определении степени истинности знаний нами используются такие понятия, как «разумность» или «неразумность» суждений, однако в реальном практическом действии сознания в своем чистом виде разум нигде и никогда не встречается, поскольку действует под властным внешним давлением не свойственных ему сопутствующих значений, а именно аффектов. Стремление освободиться от них и действовать исключительно рационально является нашим сокровенным, но несбыточным опять-таки все тем же желанием (аффектом). Среда обитания чистого разума — это нечто внешнее по отношению к нему, постоянно указывающее ему на дальнейшее направление всей его деятельности, являясь той самой гетерономией (от др.-греч. ἔτερος — другой и νόμος — закон).

Указание на принципиально качественное отличие чистого разума от чувственных влечений мы находим у И. Канта: «Чувственная природа разумных существ вообще — это существование их, подчиненное эмпирически обусловленным законам, стало быть, для разума представляет собой гетерономию» [Кант, 1997, с. 379]. Здесь нельзя не отметить, что Кант слишком сузил содержание понятия гетерономии областью нравственности, тогда как в процессе познания она имеет ничуть не меньшую значимость; здесь достаточно указать лишь на слепую веру в истины своего времени, общепринятого авторитета или тщеславие ученого, одержимость идеей, любопытство/любознательность с сопутствующей угнетенностью психики из-за невозможности найти ответ на вопрос в сочетании с упрямством поиска правильного ответа (вспоминается случай с Архимедом при погружении его тела в воду), выход в область правдоподобных фантазий и т. п. В «Критике чистого разума» И. Канта мы не найдем ни одного случая использования им понятия «гетерономия», хотя поиск ее признаков составил бы решение интересной научной задачи по этой его работе; укажем лишь на «Раздел третий. О мнении, знании и вере» в трансцендентальном учении о методе, где есть игра воображения, не имеющая никакого отношения к истине [Кант, 1964, с. 674].

Вернемся к той мысли, что, отбрасывая всю материальную оболочку (о чем конкретно идет речь) во всех имеющихся суждениях как в самом общем смысле,

так и в каждом конкретном случае, мы способны разглядеть неизменную устойчивую структуру разума как совокупность принципов и оснований для организации разнообразных видов представлений и суждений.

Это путь индуктивного погружения в содержание чистого разума при переходе от частных значений к обобщению, и все известные положения формальной логики (включая законы, методы, принципы, а также формы мышления — понятия, суждения и умозаключения), возникшие на протяжении длительной истории ее становления, есть необходимая и предварительная ступень перехода к осмыслинию самой априорной формы чистого разума, поскольку она постоянно присутствует в каждом из них, выступая лишь своим внешним проявлением.

Используя метафизический метод, мы можем говорить о замкнутой в себе специфике формальной и трансцендентальной логик в их отличительных чертах, но исходя из диалектического взгляда на сложившуюся ситуацию мы вынуждены признать их органичную взаимосвязь, поскольку, лишь применяя такие методы формальной логики, как индукция и дедукция, мы получаем возможность рассмотреть содержание априорной формы чистого разума, да к тому же и сами методы индукции и дедукции порождены априорной формой чистого разума, где он буквально просвечивается сквозь них, будучи причиной возможности их существования.

Таким образом, появление трансцендентальной логики и трансцендентальной диалектики И. Канта можно считать не случайным явлением, а созревшей необходимостью и следующей ступенью в развитии представлений, с одной стороны, о более общей, а с другой стороны, более уточненной во множестве аспектов картине протекания процесса мышления. Г. В. Ф. Гегель не только отошел от Канта, но и дополнил его, выйдя на другой уровень обобщения, став его одновременно и продолжателем, указав на возможные априорные свойства разума (законы и категории диалектики, которыми разум пользуется), и непримиримым антагонистом в определении возможности познания мира таким, каков он есть на самом деле.

Еще в эпоху Древней Греции выдающиеся мыслители провели четкую разделительную линию между разумом и аффектами (сферой желаний, склонностей, эмоций), где на память невольно сразу же приходят имена упомянутого ранее Платона, затем Зенона Китийского и Эпикура. Зенон Китийский перечислил все возможные переживания, разбив их на группы и тем самым приведя их в определенную систему согласно общим признакам. У Эпикура разум помогает нам решать вопрос о том, какие неудовольствия следует предпочтеть, а от каких удовольствий следует отказаться. В Средневековье Пьер Абелляр основанием всех положительных качеств человека (добродетелей) считал их рациональность.

И. Кант отделяет разум (и всякую чисто рассудочную деятельность) от всего, что его окружает: «Общая логика называется прикладной тогда, когда она рассматривает правила применения рассудка при субъективных эмпирических условиях, указываемых нам психологией» [Кант, 1964, с. 155–156].

Сейчас обратим внимание на темную сторону нашего сознания, его слабость, а именно на способность создавать добросовестные заблуждения или потворствовать сознательному введению нас в заблуждение с помощью множества приемов, заключающих в себе аффекты.

В сухих философских рассуждениях, имеющих широкие обобщения, не всегда встречается ссылка на пример, без которого понимание смысла сказанного становится или несколько затруднительным, или многовариантным, и поэтому в данном случае при рассмотрении затронутой темы о соотношении чистого разума и аффектов мы попытаемся этого избежать.

Для наглядности обратимся к телефонным мошенникам, стремящимся манипулировать нашим разумом через воздействие на чувственность, в основе которой лежит доверчивость. В сердцевине понятия «доверчивость» лежит вера как основополагающее свойство общечеловеческой духовности.

Сосредоточим свое внимание на одном из корреспондентских расследований для определения неоднозначной связи эмоций с чистым разумом с целью определения степени его обособленности от чувств, а именно на материале О. Скабеевой «Мошенники. Борьба за миллиарды»¹.

Предлагаю краткий пересказ его наиболее существенных моментов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой теме.

Звонят от имени якобы банков, операторов сотовой связи, органов государственной власти, вносят предложения об инвестициях, легких заработках в интернете, предлагают коммунальные скидки, звонят из следственного комитета, ФСБ, от руководства предприятия или учреждения. Для таких социальных групп, как пенсионеры или студенты применяется индивидуальный подход. Пенсионерам предлагают скидки на лекарства, медицинские обследования, льготы на что-либо, а студентам облегченный вариант прохождения аттестации.

Опора идет на два первоначальных влечения: «как избежать беды» и «как извлечь для себя выгоду». Это экзистенциальные моменты, затрагивающие, по сути, существование каждого человека.

В первом и втором варианте жертву сразу же ставят в подчиненное положение согласно иерархии в отношениях, когда в пространственном созерцании возникает одновременное удержание значений «я» и «покровитель», а разум моментально устанавливает между ними причинно-следственную связь (поскольку в данном случае эта связь «касается именно меня») при сопротивлении априорной формы созерцания во времени, т. е. последовательно, где «есть моя зависимость от покровителя».

Рассмотрим ситуацию, когда мошенник действует от имени ФСБ (для автора этих строк ситуация непосредственно знакомая и пережитая в момент

¹ Скабеева О. Мошенники. Борьба за миллиарды. Документальный фильм-расследование от 06.06.2025. URL: <https://yandex.ru/video/preview/3592919556152320717> (дата обращения: 10.07.2025).

самого начала работы кол-центров). Первоначально *доверие* вызывает сам орган государственной власти, которому следует подчиняться, а затем и соответствующая ему уверенная, *властная интонация* собеседника, использующая глаголы *повелительного наклонения*. *Закрепление доверия* вызывают некоторые данные обо мне. Сначала — *удивление*, далее — *тревога* от обвинения в госизмене, от якобы попытки перевода денежных средств с моего счета (для «ФСБ», оказывается, еще неизвестно кем — мной или злоумышленником) на нужды ВСУ. Возникает двойной *страх* — от обвинения в мнимой госизмене и возможности потерять свои деньги. Что же делать, как *спастись* от этой напасти? Властный голос тут же дает инструкцию. Во-первых, никому об этом ничего не говорить, должна быть полная секретность и изоляция от окружающих, ведь каждый вокруг меня может представлять *опасность*. Во-вторых, во мне культивируется *подозрительность*, поскольку другие (вольно или невольно) могут помешать выпутаться из сложившейся ситуации или быть сообщниками финансовых диверсантов. Информационный вакуум вокруг себя я должен обеспечить себе сам. Далее мне нужно *довериться* посреднику, который поможет мне перевести мои деньги на «безопасный счет», контролируемый ФСБ, а звонок от него (тут же называется его фамилия, имя и отчество) вскоре последует. *Интуитивно* почувствовав неладное, я сослался на опоздание к совещанию и предложил попрощаться. Голос в трубке звучит уже не только повелительно, но и угрожающе, на *эмоционально повышенной ноте*: «Я отменяю совещание, вам грозит тюрьма». Расчет на еще один мой *испуг*. Я же прервал разговор, и мошенник остался ни с чем. Других безуспешных попыток влезть в мой кошелек (правда, с другими сценариями) было еще немало.

Проанализируем данную манипулятивную ситуацию по отношению к разуму.

Оттолкнемся от того, что в основе моего интереса лежат *желания* быть законопослушным гражданином и сберечь свои накопления. Одно зависит от другого, порождая чувство спокойствия, но оно вдруг нарушается внешним вмешательством.

Чистый разум оказался в зависимом положении от *доверчивости и опасения* потерять некоторую ценность, попав в плен эмоций. Опираясь на них, разум начинал под внешним контролем выстраивать и усложнять причинно-следственные связи, продиктованные негативными переживаниями.

От начала разговора до возможной потери средств (где сыграло свою роль правдоподобие) прошло несколько последовательных ступеней: 1) мною заинтересовался карательный орган государства (*верю* в ложь); 2) причина — чья-то деятельность против государства за моей спиной с помощью финансирования врага от моего имени (*верю* в ложь); 3) нужна повышенная секретность (*верю* в ложь); 4) доказать лояльность государству переводом своих накоплений на «безопасный счет», спасая себя от справедливой кары и свои финансовые накопления (*почти верю*, но все же *сомневаюсь* в этой необходимости, осознавая свою невиновность). Разум чуть было не удовлетворился исчерпывающей совокупностью («целокупностью», по Канту) значений, внутри которых

он построил под диктовку свою стройную архитектонику причинно-следственных связей.

Логика достаточно проста и прозрачна, а разум против нее и не возражает, поскольку *принимает на веру* первый постулат озабоченности государства, из которого естественным образом вытекает все остальное. Как можно увидеть, принятие разумом на веру правдоподобной отправной точки в рассуждениях (дедукция) в дальнейшем создает целую систему ложных, но внутренне непротиворечивых умозаключений. Следовательно, принятие на веру разумом первоосновы, на которой будут строиться все дальнейшие его логические цепочки, есть одно из проявлений его слабости или, иными словами, бессилия, согласно терминологии Б. Спинозы.

Было бы увлекательной задачей, отталкиваясь от конкретного примера действия рассудка, взятого для наглядности, раскрыть природу чистого разума, как ее понимал И. Кант, не выходя за границы его терминологии, подобно тому, как сам И. Кант, отталкиваясь от примера в работе «О мнимом праве лгать из человеколюбия», пояснял отдельные положения своей нормативной этики.

Выше было сказано об отсутствии у Канта привязки понятия гетерономии к процессу познания в «Критике чистого разума», но в «Критике способности суждения» относительно этого вопроса он берет своеобразный реванш, имеющий довольно точное попадание в наш пример о деятельности мошенников при проявлении бессилия разума, а именно: «превращать же чужие суждения в определяющие основания своего суждения было бы гетерономией» [Кант, 1994, с. 122], и чуть далее он отмечает «склонность к пассивности разума, тем самым к его гетерономии» [Кант, 1994, с. 135].

Заключение

Затронутая тема находится на пересечении различных направлений научной мысли, связанных с междисциплинарным подходом и в первую очередь с вопросами этики, гносеологии, аксиологии, психологии, социологии, культурологии, политологии и антропологии (как обширной области общечеловеческой духовности).

В заключение предлагаю краткий обзор по поводу того, какие ответы и на какие вопросы о связи эмоциональной сферы с разумом дают современные исследователи, если судить по отдельным последним публикациям авторов в различных научных журналах.

Как отмечает А. А. Гусейнов, согласно внутренней логике кантовской системы, связанной с практическим (т. е. этическим) разумом, опирающимся на универсальный принцип общезначимости норм поведения в любое время и при любых условиях, «ни один живой индивид не может следовать только добной воле, он также движим вполне внешними (гетерономными) основаниями» [Гусейнов, 2025, с. 13].

А. А. Сычев констатирует, что в рамках недавно возникшей «новой этики», предполагающей универсальное использование рационального принципа равенства как проявления справедливости в построении отношений между субъектами отношений на всевозможных уровнях, исключающих вмешательство в жизнь человека без его согласия, появляется концепция «культуры согласия», принципиально отрицающая возможность «манипуляции человеком с корыстными целями» [Сычев, 2024, с. 24] с помощью физического или психологического насилия. Здесь невольно вспоминается запрет И. Канта на использование человека исключительно только как средства для достижения некой внешней по отношению к нему цели без его согласия, и тогда в этом теоретико-этическом плане мы не обнаруживаем ничего нового.

Следуя общенаучной синергетической концепции об открытости, самоорганизации и саморазвитии систем управления в обществе (имеющей место в том числе и в социологии), можно говорить о довольно длительном времени и относительно мирном сосуществовании двух субъектов как управляемых систем: с одной стороны, деятельность мошеннических схем, а с другой — государственных органов, которые первоначально довольно беспечно относились к кол-центрам, имея возможность своевременно купировать их деятельность по выманиванию средств у населения. Но вот, наконец-то, пришло осознание существующего бедствия по свершившемуся факту, когда только за 2024 год ежедневно похищалось около одного млрд рублей, а в итоге мошенники сумели украсть не менее 295 млрд², перетекающих в доход врага в условиях боевых действий. Лишь только после замечания сверху о недопустимости такого положения дел соответствующие государственные органы начали действовать более-менее эффективно. Таким образом, наполняется вполне конкретным содержанием теоретическая мысль о том, что «мера и масштаб доминирования субъекта в условиях меняющейся полисубъектной среды являются важнейшей проблемой социологии управления» [Савельев, 2025, с. 102]. Не сыграли ли здесь свою роль *инерция пассивного ожидания* директивы свыше у компетентных органов (призванных оперативно реагировать на внезапно возникшую общественную проблему) на фоне их *самоуспокоенности*, т. е., по сути, негативных эмоций, усыпивших разум.

Время от времени, а вернее сказать, ежедневно и постоянно человек попадает в состояние неопределенности в результате сложившейся ситуации и предстоящего выбора решения. «Находящийся в ситуации неопределенности индивид утрачивает чувство последовательности жизненных событий и переживает негативные эмоции различной степени тяжести» [Миронова, Александровская, 2024, с. 19]. В данном случае это комфортные условия для манипуляции сознанием, поскольку человек утрачивает способность к самостоятельному критическому мышлению и готов переложить в стрессовой ситуации ответственность за принятие рационально взвешенного решения на другого, который и приведет жертву доверия к заведомо печальным для нее последствиям.

² Скабеева О. Мошенники. Борьба за миллиарды.

Список источников

1. Спиноза Б. Этика. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 336 с.
2. Платон. Федр // Сочинения в 4 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. С. 161–228.
3. Кант И. Критика практического разума // Сочинения в 4 т. на немецком и русском языках. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 277–733.
4. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 800 с.
5. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения в 8 т. Т. 5. М.: Чоро, 1994. 414 с.
6. Гусейнов А. А. Кант навсегда // Философский журнал. 2025. Т. 18. № 2. С. 5–14. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-2-5-14>
7. Сычев А. А. «Новая этика»: культурные основания и перспективы для диалога // Этическая мысль. 2024. Т. 24. № 2. С. 19–33. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2024-24-2-19-33>
8. Савельев И. А. Полисубъектность как категория социологии управления // Социологический журнал. 2025. Т. 31. № 2. С. 96–110. <https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.5>
9. Миронова О. И., Алексапольская М. М. Подходы к изучению совладающего поведения в ситуации неопределенности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 12A. С. 17–32.

References

1. Spinoza, B. (2001). *Ethics*. Harvest; AST. (In Russian).
2. Plato (2007). Phaedrus. In Plato. *Works in 4 volumes* (vol. 2, pp. 161–228). Publishing House of St. Petersburg University. (In Russian).
3. Kant, I. (1997). Criticism of practical reason. In Kant, I. *Works in 4 volumes in German and Russian* (vol. 3, pp. 277–733). Moscow Philosophical Foundation. (In Russian).
4. Kant, I. (1964). Criticism of pure reason. In Kant, I. *Essays in 6 volumes* (vol. 3). Mysl.
5. Kant, I. (1994). Criticism of the ability of judgment. In Kant, I. *Essays in 8 volumes* (vol. 5). Choro.
6. Guseynov, A. A. (2025). Kant forever. *The Philosophy Journal*, 18 (2), 5–14. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-2-5-14>
7. Sychev, A. A. (2024). “New ethics”: Cultural foundations and prospects for dialogue. *Ethical Thought*, 24 (2), 19–33. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2024-24-2-19-33>
8. Savelyev, I. A. (2025). Polysubjectivity as a category of sociology of management. *Sociological Journal*, 31 (2), 96–110. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.2.5>
9. Mironova, O. I., & Aleksapolskaya, M. M. (2024). Approaches to studying coping behavior in situations of uncertainty. *Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches*, 13 (12A), 17–32.

Информация об авторе / Information about the author:

Александр Владимирович Кучеренко — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социально-правовых и естественнонаучных дисциплин Курской академии государственной и муниципальной службы, Курск, Россия.

Alexander V. Kucherenko — PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Socio-Legal and Natural Sciences of the Kursk Academy of State and Municipal Service, Kursk, Russia.

E-mail: kucherenkoav@yandex.ru